

«ЛЕГКОМЫСЛЕННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ В НЕВЕДОМУЮ ДАЛЬ»: ВЛАСТЬ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ В 1890-Е ГГ¹.

**«FRIVOLOUS PURSUIT INTO
THE UNKNOWN DISTANCE»: POWER
AND THE RESETTLEMENT ISSUE
ON THE WESTERN OUTSKIRTS
OF RUSSIA IN THE 1890S²**

A. Kotov

Summary. The article discusses the specifics of the resettlement movement on the western outskirts of the Russian Empire in the 1890s. During this period, the authorities have not yet decided on their attitude to the resettlement issue. The main attention is paid to the attitude of the central and local authorities to the mass peasant campaigns for submitting applications for resettlement — which threatened to weaken the «Russian element» in the region and economic problems. On the basis of archival documents from the funds of the Lithuanian State Historical Archives (LVIA) and Russian State Historical Archive (RGIA), it was shown that the administrative obstacles that were put in his way were caused not so much by «serfdom» considerations as by the unpreparedness of local authorities in new territories and concern for the fate of «trusting» and «half-conscious» migrants.

Keywords: resettlement issue, western outskirts, Belarus, Lithuania, Ukraine, Kulomzin, Durnovo.

Котов Александр Эдуардович
Д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика переселенческого движения на западных окраинах Российской империи в 1890-х гг. В этот период власть еще не определилась со своим отношением к переселенческому вопросу. Основное внимание уделяется отношению центральных и местных властей к массовым крестьянским кампаниям по подаче прошений о переселении — что грозило ослаблением «русского элемента» в регионе и экономическими проблемами. На основании архивных документов из фондов Литовского государственного исторического архива (ЛГИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА) показано, что чинимые на его пути административные препоны были вызваны не столько «крепостническими» соображениями, сколько неготовностью местных властей на новых территориях и беспокойством за судьбы «доверчивых» и «увлекаемых в полусознании» переселенцев.

Ключевые слова: переселенческий вопрос, западные окраины, Белоруссия, Литва, Украина, Куломзин, Дурново.

История переселенческой политики самодержавия в целом изучена достаточно хорошо. Её солидную базу заложили еще дореволюционные специалисты [6], обзор же советской и постсоветской библиографии вопроса потребовал бы не одной статьи [1; 2; 3; 12; 16]. При этом советские исследователи, естественно, утверждали, что «проблема аграрных миграций крестьянства, сложившаяся в пореформенное время на новой, капиталистической основе, решалась господствующими классами по-старому, по-крепостнически» [4, с. 60]. Нынешняя историография смотрит на «переселенческие» сюжеты более рельефно: в сфере её внимания и т.н. «история повседневности», и отдельные

регионы, и общественно-политический аспект переселенческого вопроса, и роль иностранных переселенцев на территориях империи [5; 15]. Вместе с тем, современные исследователи отмечают и наличие в ней определенных лакун, в том числе недостаточную изученность специфики переселенческой политики самодержавия в западных русских губерниях [8, с. 12].

К началу 1890-х гг. власть так и не определилась со своим отношением к переселенческому вопросу. С одной стороны, не подлежала сомнению необходимость заселения «русским элементом» Сибири и Кавказа, с другой — как признавалось в официальных доку-

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)»;

² This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)».

ментах, «слишком широкое развитие переселенческого движения могло бы поколебать установившиеся хозяйственные отношения целых районов и вообще вызвать крайне нежелательные осложнения» [11, л. 5]. Наиболее ярко весь комплекс связанных с этим вопросом противоречий проявился именно на западных окраинах империи — которые начиная с 1860-х гг. сами рассматривались как объект для русской — в том числе крестьянской — колонизации [7, с. 258]. Однако по мере интеграции освобожденных от экономического и политического господства польской шляхты русских земель в общеимперский экономический и общественно-политический контекст всё больше проявлялось обратное движение — белорусское и украинское крестьянство интересовалось свободными землями Западной Сибири.

Массовые кампании по подаче прошений о переселении, перемежавшиеся с попытками самовольных переселений отмечались в отдельных уездах Северо-Западного края в 1889–1890 гг., сразу после выхода закона от 13 июля 1889 г. [4, с. 83–88] — официальные разъяснения властями нередко принимались крестьянами за приглашение к переселению [9, с. 16]. Частично подобные прошения местными властями удовлетворялись. Серьезным препятствием на пути этого миграционного потока стала нехватка земли — точнее, правильным образом оформленных участков казенных земель. Поэтому 6 марта 1892 г. Министерство внутренних дел выпустило под № 11 «Циркулярное распоряжение о приостановке выдачи разрешений на переселение и собрания на местах сведений, необходимых для рассмотрения ходатайств просителей». Впрочем, мера была временной, и 2 июля 1894 г. И.Н. Дурново в циркуляре за № 34 сообщал виленскому губернатору Н.А. Гревеницу, что «ныне [...] благодаря усиленной деятельности временных межевых партий ведомства министерства Земледелия и государственных имуществ, в Западной Сибири, в Степном крае и в губерниях Иркутской и Енисейской заготовлен достаточный запас переселенческих участков из казенных земель и [...] отвод таких участков с неослабной энергией продолжается и в текущем году» [11, л. 4].

Признавая циркуляр № 11 неактуальным и опираясь на новые решения Особого совещания по переселенческому делу, министр просил Гревеница «относительно не допуская разглашения всей совокупности настоящих распоряжений моих во всеобщее сведение, путем печати или иным способом, дабы избежать неправильного истолкования их населением в смысле вызова к переселению или забот правительства об искусственном его развитии, приступить к рассмотрению в установленном законом 13 июля 1889 г. порядке ходатайств о разрешении переселения на казенные земли» [11, л. 4].

Помимо вопроса об оглашении новых сведений, послание содержало целый набор оговорок и ограничений, продиктованных общим непоследовательным подходом министерства внутренних дел к переселению, а также его скептическим отношением к дееспособности подданных русского царя: «Одною из наиболее существенных задач правительства при урегулировании переселенческого дела является внушение населению и развитие в нем убеждения, что переселение должно быть предпринимаяемо лишь вполне сознательно в отношении условий, которые ожидают переселенцев в местах нового водворения, и осмотрительно в смысле подготовки к продолжительному пути и к устройству на этих местах, а не под влиянием легкомысленного стремления в неведомую даль, побуждающего переселенцев, как указал опыт, к поспешной и нерасчетливой ликвидации на родине» [11, л. 4–4 об.].

Дурново подчеркивал необходимость «приучить население к сознанию, что дело столь большой важности, как переселение, не может быть совершаемо вне точного порядка даже во времени», для чего предлагал «установить известный промежуток между возбуждением ходатайств о переселении и действительным, в случае разрешения этих ходатайств в благоприятном смысле, выходом переселенцев из мест прежнего жительства» [11, л. 4 об.]. В целом же ответственность за решение переселенческого вопроса на местах возлагалась на губернаторов — т.к. само министерство считало, что «установить вполне точно те признаки, при наличии которых переселение должно быть разрешаемо, едва ли в настоящее время возможно» и было уверено лишь в том, что «несомненным и весьма при том существенным злом в переселенческом деле является переселение самовольное». [11, 6 об.— 6].

Однако в дело вмешалась вновь созданная институция — Комитет Сибирской железной дороги, на заседании которого от 8 марта 1894 г. был выдвинут «вопрос о скорейшем заселении прилегающих к ней [Сибирской железной дороге — А.К.] местностей, как для обеспечения потребности дороги в сторожах и т.д., так и в видах споспешествования достижению тех многообразных государственных целей, с коими предпринято это великое сооружение» [11, л. 2–3]. Теперь виленскому губернатору предлагалось «воздержаться, впредь до дальнейших указаний, применением правил, [...], относительно принятия мер к возвращению самовольных переселенцев с пути и привлечению их к ответственности перед судом» [11, л. 3]. Одновременно ему следовало «вменить всем местным властям, начиная с волостных старшин, в обязанность тщательно следить за могущим появиться в сельском населении стремлениями, направленными к окончательному, без надлежащего разрешения, разрыву с прежними условиями хозяйственного быта, дабы

мерами законного воздействия приостановить в самом зародыше попытки самовольного оставления настоящих мест приписки, а тем более массового выселения» [11, л. 3 об].

По данным П. Д. Верещагина, именно 1894 г. стал переломным для переселенческого движения из западно-русских земель [4, с. 89]. И, разумеется, поток крестьянских «стремлений» тут же нашел в воздвигаемых начальственной осторожностью административных баррикадах слабое место: на имя министра внутренних дел из ряда уездов Виленской, Витебской и Минской губерний посыпались сотни написанных по одному образцу прошений о переселении. Наличие единого образца обеспокоило местные власти даже в большей степени, чем сами крестьянские инициативы. Основания для некоторой тревоги здесь и в самом деле имелись: с конца 1880-х гг. регулярное «отходничество» западнорусских поселян на заработки в Америку привело к формированию вокруг этого промысла своеобразной мафии — о тщетных попытках борьбы с которой докладывал в 1900 г. виленский губернатор В. Н. Троцкий [14, л. 176–182 об]. О криминализации переселенческого дела в соседнем регионе рассказывала поступившая в том же году на рассмотрение Главного управления по делам печати пьеса Л. А. Яновской «На зеленый клин», сюжет которой чиновники цензурного ведомства излагали следующим образом: «Бывший переселенец, парубок Воротыленко, смущает поселян, уговаривая их переселиться в местность, называемую “Зеленый клин”. С ним в стачке и местный волостной писарь, Иван Иванович. Писарь читает (будто из газеты) одной бабе-сплетнице Явдохе, что все девушки, переселяющиеся на Зеленый Клин, получают по 100 руб. приданого и двух китайцев для услужения, так как Зеленый клин на китайской границе. Явдоха, конечно, спешит, с кем может, поделиться новостями, рассказывая по всей деревне об этом (писарь читает ей поддельный циркуляр). Подруга Явдохи, София, имеющая 6 дочерей, льстит на столь выгодное предприятие и продает все свое имущество, готовясь к переселению. Мироеду Ипату на руку такой слух, так как по дешевой цене ему удастся скупить все земли крестьян. На землю Софии Ипат делает поддельную купчую и прикладывает печать, взятую у пьяного старшины.

Трохим, жених одной из дочерей Софии, вступает за нее, так как по грамотности знает, что весь вопрос о переселении — одна выдумка мироеда с компаниею. Трохим угрожает убить Ипата, если он не возвратит обратно купчей. Ипат упирается. София узнает, что обещания разных благ для переселенцев на Зеленый клин — выдумка злонамеренных лиц и умоляет Ипата вернуть ей землю. Ипат все-таки не соглашается. Трохим жалуется земскому начальнику и убеждает народ в том, что он обманут и что переселяться в таких условиях не сле-

дует. Пьеса кончается тем, что Ипат, волостной писарь, Воротыленко и старшина приглашаются к земскому начальнику в волостное правление на следствие, а народ посмеивается, что Ипату за неправо дело придется, может быть, самому переселяться, только поневоле и подальше от Зеленого клина» [14, л. 98–99]. Не находя, со своей стороны, ничего предосудительного в этой пьесе, Главное управление по делам печати всё же «в виду важности вопроса о переселении, затронутого в этой комедии», препроводило ее в учрежденное в декабре 1896 г. Переселенческое управление — которое, в свою очередь, «не встретило препятствий к выпуску в свет» [14, л. 99–100].

Разумеется, слухи о переселении, распространявшиеся в Малороссии, имели свою региональную специфику: так, в докладах исправников и приставов белорусских и литовских губерний о желании потенциальных переселенцев получить «двух китайцев в услужение» не сообщалось. Тем не менее, по сведениям Гревеница, «многие крестьяне в ожидании переселения перестали заботиться о своих хозяйствах, предались пьянству, отдают свои земли в долгосрочную аренду и приступают к распродажам своего имущества» [11, л. 82]. Тревожились и его ближайшие соседи — к тому же, видевшие в Виленской губернии основной очаг «эпидемии».

В сентябре 1895 г. витебский губернатор В. А. Левашов писал Гревеницу о том, что в его владениях «крестьяне ходят «к какому-то солдату, проживающему в д. Зябки Дисненского уезда и записываются желающими переселиться в Сибирь, причем означенный солдат читает какой-то приказ от Государыни Императрицы». Губернатор просил коллегу «принять меры к прекращению» слухов [11, л. 27–27 об]. Практически одновременно Гревениц получил такое же письмо от минского губернатора Н. Н. Трубецкого. Последний сообщал о полученных им двадцати прошениях из Новогрудского уезда, написанных одним и тем же лицом: «Стремление это, как оказалось по собранным сведениям, вызвано ложными слухами, распространяемыми молодым человеком по имени Антон, проживающим в местечке Белицы Лидского уезда, который составляет окрестным крестьянам прошения на имя господина министра внутренних дел о разрешении им переселиться в Сибирские губернии и утверждает, что распоряжение о разрешении переселений последовало уже года три тому назад, но местное начальство до сего времени скрывало таковое» [11, л. 11–11 об].

Разобраться с проблемой виленский губернатор поручил уездным исправникам. Им было поручено выявить источники слухов и либо (в случае наличия злонамеренного или корыстного умысла) привлечь их к ответственности, либо запретить писать прошения для

неграмотных поселян. Чуть позже (уже в начале 1896 г.) Гревениц обратился к мировым посредникам своей губернии, которым указывал «во-первых, подробно ознакомить всех волостных старшин и писарей и сельских старост с правилами, установленными для переселения законом 13 июля 1890 г. [...] и циркуляром министерства внутренних дел от 2 июля 1894 г. за № 34, и во-вторых, немедленно разъяснить крестьянам на сельских сходах все неосновательность распространяемых между ними слухов, объявить им порядок, условия и сроки, установленные вышеприведенными законами о переселении и циркуляром министерства внутренних дел» [11, л. 1 об].

Наиболее ревностно отнёсся к поручению начальства исправник Дисненского уезда — где переселенческое движение уходило корнями еще в конец 1860-х гг. и в 1895 г. приобрело особенный размах [4, с. 89]. Обративший внимание на «обуявший все крестьянское народонаселение вопрос о переселении в Сибирь на казенные земли» исправник в итоге сумел обнаружить корень «зла». 6 февраля 1896 г. деятельный правоохранитель сообщал губернатору, что им был организован «особый надзор за деятельностью лиц, занимающихся писанием прошений или так называемых подпольных адвокатов, которые, пользуясь невежеством крестьянского люда, и преследуя цели личной наживы, извращают смысл правительственных распоряжений». Исправнику удалось привлечь «нескольких такого рода адвокатов к судебной ответственности, но не по 947 ст. Уложения о наказаниях, а по 37 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, так как ни в одном из такого рода случаев невозможно было доказать, чтобы тот или другой из писак подговаривал кого-либо к переселению, а только в некоторых случаях обнаружены были признаки распространения ложных слухов со стороны сих адвокатов относительно условий переселения...» [11, л. 33–33 об.].

В список привлеченных к ответственности входили представители самых разных сословий: мещане, отставные солдаты, дворяне. Однако большинство из этих «нарушителей» покарать так и не удалось: «Дела по этим обвинениям мировыми судьями отчасти прекращены за недоказанность факта преступления и частью еще не разрешены, чему служит причиною нижеследующее обстоятельство: о существовании правительственного распоряжения насчет разрешения переселения в Сибирские области на казенные земли напечатаны сообщения в периодических и других изданиях печати, календарях и т.д., следовательно, вопрос этот не составляет тайны» [11, л. 33 об.].

В итоге в Дисненском уезде был найден «нулевой пациент», с которого началась эпидемия слухов: «на-

родный учитель из крестьян Чересской волости Дисненского уезда, дер. Поляки, Василий Васильевич Локотко, по вызову правительства, около 16 лет тому назад, уехал в Усть-Каменогорск Семипалатинской области, на должность городского учителя, где женился и поселился на постоянное жительство, занимая там в настоящее время должность городского головы. В январе месяце 1895 года Локотко приезжал на родину и, пробыв здесь около двух недель, рассказывал своим родичам-крестьянам, что в Семипалатинской области есть много свободных казенных земель и можно их получать в бесплатный надел каждому крестьянину, стоит только исходатайствовать на право переселения туда разрешение правительства; причем забрал и увез с собою несколько семейств своей родни, крестьян Чересской волости [...] Всего этого достаточно было, чтобы слух о переселении проник в народные массы, который с поразительной быстротой распространился не только по Дисненскому, но и смежным с ним уездам и губерниям; а сделавшись достоянием невежественной толпы, передавался от одного другому с различными превратными дополнениями и вырос до фантастических пределов» [11, л. 33 об.— 34 об.].

Попытки уездных властей умерить народный энтузиазм оказались тщетными: «хотя и было своевременно сделано мною и мировыми посредниками чрез чинов полиции и волостного правления, распоряжение о внушении крестьянам убеждения, что переселенческий вопрос еще не есть вопрос, окончательно разрешенный правительством, и что правительство никаких средств на передвижение и обзаведение хозяйством на местах водворения не дает [...] Но крестьяне, под впечатлением выгод переселения, внушенных превратными толками писак и собственных фантастических рассуждений, составили убеждение, что чиновники в угоду помещикам, опасующихся лишиться дешевых рабочих рук, скрывают те льготы и выгоды, которые правительство предоставляет переселяющимся» [11, л. 34 об.— 35].

К этому времени в губернаторскую канцелярию поступили от всех уездных исправников списки уличенных в преступном написании прошений, и 11 марта 1896 г. Грейвениц распорядился «принять строгие меры против лиц, занимающихся писанием с корыстной целью прошений крестьянам о переселении в Сибирские губернии», «учредить за означенными лицами строгое наблюдение» [11, л. 43]. О масштабе предпринятого расследования можно судить по майскому рапорту Лидского уездного исправника: «Всего у меня было в производстве 417 прошений [...]. При дознании по 134 прошением крестьяне заявили, что их подговаривали к переселению лица, писавшие прошения, а по остальным прошением 283, крестьяне при дознании не заявили того, что их подговаривали к писанию [...], а, напротив, объясня-

ли, что узнали они о возможности переселения от своих волостных правлений, где было объявлено о распоряжении мирового посредника, и затем осведомились по общей молве» [11, л. 49 об]. Впрочем, к этому времени все уличенные лица «под давлением преследования их за то полицией прекратили свою эксплуатационную пропаганду» [11, л. 82 об].

Разумеется, ни это, ни последовавшие в 1897 г. новые циркуляры Министерства внутренних дел о борьбе с самовольными переселениями не могли остановить миграционный поток. В итоге, к 1897 г. министерство смирилось с тем, что «если западные губернии и не могут быть причислены к местностям, откуда необходимо переселение в сколько-нибудь широких размерах, то, с другой стороны, они, бесспорно, не могут быть закрыты для выселений» [4, с. 56]. К концу 1890-х поток переселенцев из Северо-Западного края увеличился настолько, что 13 мая 1899 г. И. Л. Горемыкин сообщал министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову о проблеме, возникшей уже на месте их «водворения»: «Из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений о ходе заселения Сибири усматривается, что в последние годы обнаруживается весьма заметное увеличение в составе переселенцев выходцев из губерний Прибалтийских и Западного края. Многие крестьяне этой категории, преимущественно немцы-колонисты Волынской губернии и латыши, привыкшие вести хуторское хозяйство на родине, уклоняются от совместного поселения с крестьянами-общинниками и даже подворниками, предпочитая селиться отдельно и в Сибири [13, л. 1–1 об.]».

Параллельно вопросом занимался и Комитет Сибирской железной дороги, признавший на заседании от 8 декабря 1899 г. «желательным оказывать содействие переселенцам к выделению хуторских и подворных участков; причем обращено внимание на необходимость выработать особые правила для руководства межевых чинов, коим согласно ходатайству сельских обществ будет поручен отвод означенных участков». Сочинение проекта этих правил было поручено началь-

нику Переселенческого управления, который в марте 1900 г. и представил их управляющему делами Комитета Сибирской железной дороги и одновременно Комитета министров А. Н. Куломзину [13, л. 25–25 об]. Окончательно этот вопрос был разрешен последним уже в 1901 г. [10, с. 828–835].

Таким образом, на протяжении последнего десятилетия XIX в. власть всё больше склонялась к осознанию необходимости считаться с объективным характером крестьянского переселенческого движения. Чинимые на его пути административные препоны были вызваны не столько «крепостническими» соображениями, сколько неготовностью местных властей на новых территориях к приему возраставшего миграционного потока, а также беспокойством за судьбы «доверчивых» и «увлекаемых в полусознании» переселенцев. Впрочем, присутствовала и обычная бюрократическая осторожность: в переселенческом движении наиболее дальновидные администраторы усматривали стихийный и потенциально крамольный характер. Не случайно А. Н. Куломзин, считавший ядро «переселяющего ныне элемента» «прямыми потомками по духу тех русских людей, которые в XVI и XVII веках шли на окраины Московского государства», отмечал двойственный характер этого социального явления: «Это люди, с одной стороны, энергичные, предприимчивые, умеющие постоять за себя и бороться с разными невзгодами, а с другой — беспокойные, недовольные существующими порядками, не умеющие и не желающие примириться с известным правомерным строем и постепенно усиливающейся в Европейской России законностью, словом, такие же, как и те древние завоеватели, благодаря которым росла, расширялась, Русская земля. Вместе с тем это — люди назойливые, нередко предъявляющие в Сибири требования, в виду того, что, будто бы, идут ни “по приглашению самого царя-батюшки, который повелел отводить им лучшую землю и наделять разным имуществом”» [9, с. 7]. Как следует из приведенных нами выше документов, переселенцы с западных окраин не слишком отличались в этом отношении от выходцев из центральных русских губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин Д. Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Томск: Томский государственный университет, 2016. 696 с.
2. Белянин Д. Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX — начале XX вв. // Вестник КемГУ. 2010. № 4 (44). С. 16–22.
3. Белянин Д. Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX — XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30.
4. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: БГУ им. Ленина, 1978. 144 с.
5. Иванов А. А., Котов А. Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75.
6. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 349 с.

7. Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. 2018. № 7. С. 246–262.
8. Крючек П. С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.: историография проблемы // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 9–13.
9. Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Государственная типография, 1896. 187 с.
10. Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2016. 1038 с.
11. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 380. Оп. 120. Ед. 867. Л. 4–82об.
12. Моисеенко В. М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX — начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. 187 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Ед. 540. Л. 1–25об.
14. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Ед. 548. Л. 98–182 об.
15. Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 6. С. 720–733.
16. Чуркин М. К. Переселенческое движение в Западную Сибирь в оценках и решениях Российского правительства (1861–1905 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). С. 261–266.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Университет